

отрыжка прошлого. По тому же неумолимому року Сатурна, не место ей в новой России.

Революция выдвинула новые политические элементы и новые «хозяйствующие» пласты. Их не перейдешь. Великий октябрьский сдвиг до дна всколыхнул океан национальной жизни, учинил пересмотр всех ее сил, произвел их учет и отбор. Никакая реакция уже не сможет этот отбор аннулировать. Здоровая, плодотворная реакция вершит революцию духа, но не реставрацию прогнивших и низвергнутых государственных стропил. Дурная же реакция есть всегда не более, как попытка с негодными средствами. Прежний поместный класс отошел в вечность, «рабочие и крестьяне» выдвинулись на государственную авансцену.

«Старая мощь России» может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции и поныне пребывающими в ней. Это нужно признать раз навсегда. Ориентироваться можно только на эти новые силы, на их активный авангард, разбуженный взрывом и прошедший столь изумительную школу за страданные годы революционной борьбы.

«Революцию надо преодолеть, взяв у нее достижимые цели и сбросив ее утопизм, демагогию, бунтарство и анархию непреклонной силой власти» (Новгородцев¹³).

Растрепанными силами контрреволюции эта задача осуществлена не была. Она осуществится внутренней диалектикой самой революции.

Путь Термидора

В дни кронштадтского восстания некоторые русские публицисты в Париже заговорили о «русском термидоре»¹. «Последние Новости»² П. Н. Милюкова посвятили даже несколько статей установлению аналогии между процессом, ныне вершащимся в России, и термидорским периодом великой французской революции.

В какой мере справедливы эти аналогии и что такое «путь термидора»?

Термидор был поворотным пунктом французской революции. Он обозначил собою начало понижения революционной кривой. **Путь термидора есть путь эволюции умов и сердец, сопровождавшийся, так сказать, легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права. При этом необходимо**

подчеркнуть, что основным, определяющим моментом термидора явилось именно изменение общего стиля революционной Франции и обусловленная им **эволюция якобинизма в его «толпе»**. Кровавый же эпизод 9 числа (падение Робеспьера³) есть не более, как деталь или случайность, которой могло бы и не быть и которая несколько не нарушила необходимой и предопределенной связи исторических событий.

«Если бы Робеспьер удержал за собой власть, — говорил Наполеон⁴ Мармону⁵, — **он изменил бы свой образ действий; он восстановил бы царство закона; к этому результату пришли бы без потрясений, потому что добились бы его путем власти**».

Гений Наполеона в этих словах интуитивно постиг истину, которая впоследствии была вскрыта и подробно доказана историками. 9 термидора не есть новая революция, не есть революционная ликвидация революции. Это лишь один из второстепенных и «бытовых» моментов развития революционного процесса.

«Побежденный людьми, из которых одни были лучше, а другие хуже его, — пишет о Робеспьере Ламартин⁶ в своих знаменитых «Жирондистах», — **он имел несчастье умереть в день окончания террора, так что на него пала та кровь жертв казней, которые он хотел прекратить, и проклятия казненных, которых он хотел спасти. День его смерти может быть отмечен как дата, но не как причина прекращения террора. Казни прекратились бы с его победой так же, как они прекратились с его казнью**». (Ламартин, т. IV, гл. 61).

Якобинцы не пали, — они переродились в своей массе. Якобинцы, как известно, надолго пережили термидорские события, — сначала как власть, потом как влиятельная партия: — сам Наполеон вышел из их среды. Робеспьер был устранен теми из своих друзей, которые всегда превосходили его в жестокости и кровожадности. Если бы не они его устранили, а он их, если б даже они продолжали жить с ним дружно, — результат оказался бы тот же: — гребень революционной войны, достигнув максимальной высоты, стал опускаться...

<...>

И когда в наши дни там и сям поднимаются толки о «русском термидоре», необходимо прежде всего усвоить истинные черты и усвоить урок французского. Иначе кроме «злоупотребления термином» ничего не получится.

Детали, конкретные очертания революции у нас радикально и несоизмеримо иные. В частности, судя по всему, в теперешней Москве нет почвы для казуса в стиле 9 термидора. Но, как мы установили, он и не существенен **сам по себе** для развития революции. Он мог быть, но его могло и не быть, — «путь термидора» не в нем.

Что же касается этого пути, то он уже начинает явственно намечаться в запутанной и сложной обстановке наших необыкновенных дней.

Конечно, он не в белых фронтах и окраинных движениях, вдохновляемых чужеземцами и эмиграцией. Нет, все эти затеи ему не только чужды, но и враждебны, — лишь безнадежные слепцы или контрреволюционеры в худшем смысле этого слова могут ими обольщаться. Страна — не с ними. Они — вне революции.

Но он — и не в стихийных восстаниях или голодных бунтах против революционной власти. Эти восстания и бунты, быть может, в известной мере способствуют его зарождению и укреплению. Но по своему содержанию он не имеет с ними ничего общего. Революционная Франция, как ныне Россия, хорошо знала подобные мятежи городков и деревень: прочтите хронику эпохи (Эрве, Дьепп, Лион, Вервен, Лилль и т. д.). Однако они никогда не были победоносны уже по одному тому, что не имели творческой идеи и неизменно оказывались не более как бесцельными, хотя и естественными, конвульсиями страдания. Победы они — революционный процесс был бы не плодотворно завершен, а лишь бессмысленно прерван, чтобы снова возобновиться...

Путь термидора — в перерождении тканей революции, в преобразении душ и сердец ее агентов. Результатом этого общего перерождения может быть незначительный «дворцовый переворот», устраняющий наиболее одиозные фигуры руками их собственных сподвижников и во имя их собственных принципов (конец Робеспьера). Но отнюдь не исключена возможность и другого выхода, — того самого, о котором говорил Наполеон Мармону: приспособление лидеров движения к новой его фазе. Тогда процесс завершается наиболее удачно и с меньшими потрясениями — «путем власти»⁷.

В современной России как будто уже чувствуется веяние этой новой фазы. Революция уже не та, хотя во главе ее — все те же знакомые лица, которых ВЦИК отнюдь не собирается отправлять на эшафот. Но они сами вынужденно вступили на путь термидора, неожиданно подсказанный им крондшадтской Горой; не удастся ли им поэтому избежать драмы 9 числа?

Большевицкий орден несравненно сплоченнее, дисциплинированнее, иерархичнее якобинцев. Вместе с тем Ленин более гибок и чуток, нежели Робеспьер. Если у нас не было Верньо⁸ и Дантона⁹, то наши крайние якобинцы крупнее и жизненнее французских, хотя в аспекте «быта» не менее их ужасны. Быть может, они и кончат иначе. Но основная линия развития самой революции, по-видимому, остается в общем тою же.

Ныне есть признаки кризиса революционной истории. Начинается «спуск на тормозах» от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей — революционные вожди сами признаются в этом. Тяжелая операция, — но дай ей Бог успеха!

Когда она будет завершена, — новая обстановка создаст и новые формы. Тормоза станут не нужны.

«Революция спасается от собственных излишеств». И горе тем, кто помешает ей в этом, — с трибун ли красных клубов, или из жалких эмигрантских конур.

Национал-большевизм (Ответ П. Б. Струве)*

Из всей обширной критической литературы, посвященной «национал-большевизму», статья П. Б. Струве в берлинском «Руле» представляется наиболее примечательной. Она сразу берет проблему в корне, выдвигает самые существенные, самые серьезные возражения, формулируя их выпукло, лапидарно и изящно. В ней нет ничего лишнего, но главное, что можно сказать против оспариваемой позиции, исходя из ее же собственного отправного пункта («имманентная критика»), — ею сказано.

Тем отраднее констатировать ее внутреннее бессилие по существу опровергнуть национал-большевизм в его основных утверждениях. Даже и наиболее, казалось бы, веские, наиболее убедительные на первый взгляд аргументы, по-видимому, неспособны поколебать этой точки зрения, завоевывающей ныне все более широкие симпатии в стане русских патриотов.

Разберемся в интересующей нас статье.

I

Решающая ошибка П. Б. Струве состоит в том, что он смешивает большевизм с коммунизмом. Исходя из этого невероятного и недосказанного им отождествления, он и получает легкую возмож-

* Статьи Струве о национал-большевизме были затем воспроизведены в журнале «Русская мысль» (София, 1921, кн. V–VII) под заглавием «Историко-политические заметки о современности».